

В. М. СУХОДРЕВ

Язык мой — друг мой

<Фрагменты>

Как известно, до М. С. Горбачева в послебрежневский период пост главы нашего государства кратковременно занимали сначала Ю. В. Андропов, затем К. У. Черненко. По разным причинам, в том числе в немалой степени связанным с плохим состоянием здоровья, они в международной жизни активного участия не принимали. Стало быть, и в моей памяти заметного следа не оставили. А эта книга основана на том, чему я сам был свидетелем. Разумеется, и эти руководители проводили встречи и беседы с англоговорящими гостями высокого уровня. Помню, например, приемы Андроповым делегации сенаторов США, а также видного американского политического деятеля Аверелла Гарримана¹. На эти встречи Андропов приезжал из больницы. Из-под манжеты его рубашки на левой руке выглядывал край медицинской повязки. Сенаторов, а их было много, специально завели в кремлевский зал заранее, чтобы вышедшему к ним Андропову не пришлось с каждым здороваться за руку. Время бесед было строго ограничено. Говорил он довольно свободно, по делу, лишь изредка сверяясь с памяткой. За помощью к кому-либо из наших не обращался. Черненко при встречах с иностранцами сильно напоминал позднего Брежнева. Тяжело дыша, от начала и до конца зачитывал «разговорник», постоянно обращался за поддержкой к непременно находящемуся рядом с ним Громыко. Если что и отвечал на реплику собеседника, сразу же поворачивался к Андрею Андреевичу:

— Ну что, так ведь...

Вот, пожалуй, и все памятные моменты.

Теперь перехожу к воспоминаниям о человеке, который в конечном счете подвел черту под нашим прежним существованием.

Вокруг имени Горбачева создан своеобразный ореол таинственности. Например, до сих пор до конца не раскрыта его роль во всем,

что связано с ГКЧП. Сам он сразу же после тех, путчистских, событий заявил на пресс-конференции, что всего никогда не расскажет. Давать его объемный портрет не входит в мою задачу, тем более что общался я с ним мало. Ограничусь лишь некоторыми штрихами.

В то время, когда «весь советский народ», как у нас любили писать в газетах, связывал имя Горбачева с наконец-то проснувшейся в нашем руководстве долгожданной чуткостью, внимательностью, я лицеизрел перед собой человека, отнюдь не блистающего этими душевными качествами. За период деятельности Горбачева на высоком посту вряд ли кто из его окружения слышал от него слово «спасибо». Если Брежнев, даже будучи уже дряхлым и больным, после окончания официальной беседы с иностранцем, попрощавшись с ним, считал для себя обязательным пожать руку переводчику и поблагодарить его за работу, то Горбачеву это и в голову не приходило. Для него все мы были своеобразной частью обстановки, как столы, стулья, карандаши.

Расскажу о двух наиболее запомнившихся мне эпизодах из моего, повторяю, недолгого общения с последним нашим Генсеком.

Первый опыт моей работы с ним пришелся на день похорон Черненко. С 1982 года, когда умер Брежнев, наступил сложный период в жизни нашего государства: одна за другой последовали еще две смерти первых лиц — Андропова и Черненко. На похороны съезжались лидеры многих государств. Они, конечно, рассчитывали и на личные деловые встречи с новоиспеченным руководством. Времени на такие встречи отводилось мало, да и принять в течение двух дней всех прибывших на очередные похороны новый генсек не мог. Приходилось составлять список «желающих» по степени значимости представляемых ими стран. Каждому отводилось не более тридцати минут, о чем заранее предупреждали.

В такие дни аппарат МИДа буквально стоял на ушах. Надо было подготовить биографические справки о каждом посетителе, а также памятки для бесед с гостями, содержащие информацию об особенностях отношений СССР с представляемыми ими государствами.

Беседы проходили в Большом Кремлевском дворце, в Екатерининском зале. Именитых визитеров заводили в этот зал из примыкающей к нему Зеленой гостиной, а выводили из него через двери, ведущие в Кавалергардский зал. Официанты едва успевали сменить на столе в Екатерининском зале чайно-кофейные приборы, как на беседу тут же приглашался следующий гость.

В день похорон Черненко, как, впрочем, и в последующие за этой церемонией дни, Горбачев держался достойно. Видно было, что он успевал прочесть наши мидовские материалы. Беседуя с очередным лидером, Горбачев, помимо каких-то общих

положений относительно преемственности общеполитических принципов и направленности политики СССР, довольно четко излагал и собственные соображения, касающиеся дальнейшего развития отношений со страной собеседника. Это впечатляло. Особенно в сравнении с его предшественниками. Например, когда умер Андропов, то Черненко, принимая лидеров разных стран, зачитывал лежащие перед ним заготовки и этим ограничивался.

Многие прибывшие на похороны Черненко раньше уже участвовали в кремлевских беседах, когда приезжали к нам на похороны других генсеков. Горбачев вселял в них надежду на положительные изменения в Советском Союзе. Новый лидер говорил уверенно, энергично, грамотно, если не считать его извечных «на́чать» и «пр́нять». С появлением Горбачева повеяло свежим ветром перемен в политической жизни страны. Череда встреч с руководителями иностранных государств потребовала от него колоссальной самоотдачи. Я возглавлял группу переводчиков, обеспечивавших эти беседы. Участвовал и сам.

Расскажу о первом большом интервью Горбачева американскому телевидению, которое я и переводил. Это было в 1987 году. Генсек согласился ответить на вопросы ведущего обозревателя телекомпании «Эн-би-си» Тома Брокау.

К тому времени Горбачев успешно избавился от тех, кто мог бы напоминать о его предшественниках. Этот процесс шел на всех уровнях. Например, Громыко отлучили от внешней политики методом «пинка вверх» — перевели на должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Обновился и состав Политбюро, куда вошли такие государственные деятели, как Александр Яковлев, Эдуард Шеварднадзе, а также два антипода — Борис Ельцин и Егор Лигачев.

На тот момент я уже отошел от переводческой деятельности, поскольку давно хотел перейти на самостоятельную дипломатическую работу. Мое место занял младший талантливый коллега Павел Палажченко, который не один год был моим дублером. Но все же синхронный перевод ответов Горбачева на вопросы американского обозревателя поручили мне: ведь миллионам американцев предстояло слышать голос переводчика. А вопросы Тома Брокау переводить Горбачеву на русский язык поручили Палажченко. Съемка происходила в Кремле, в небольшой комнате, обычно используемой под столовую генсека. Я появился там за несколько минут до прихода американцев. Все уже было готово. Горбачев волновался: молча шагал по комнате. Я почтительно поздоровался с ним, а также с его старшим адъютантом Володи́й Медведевым, которого хорошо знал еще с брежневских времен.

Горбачев тоже поздоровался со мной, но руки не подал. Сказал мне:

— Постараюсь говорить не слишком быстро, хотя может случиться и так, что заведусь.

Я улыбнулся и ответил:

— Не беспокойтесь, Михаил Сергеевич, тогда и я заведусь.

Он на это хмыкнул, и мне показалось, что даже немного успокоился. Через минуту-другую в комнату вошли Том Брокау и его команда. Начался период «разогрева», как это называют американские профессионалы-телевизионщики, а попросту говоря, завязался общий разговор на разные темы, в ходе которого главные действующие лица должны слегка привыкнуть друг к другу, создать психологический настрой для основного разговора.

Перед самым началом интервью мы с Палажченко вышли в соседнюю комнату, где были оборудованы две кабины с микрофонами и наушниками. И вот беседа началась. Основные вопросы заранее составили и передали Генсеку, так что он, видимо, подготовился, хотя текста перед ним не было. Брокау задавал Горбачеву самые разные, в том числе и неожиданные, вопросы. Словом, был таким, каким его привыкли видеть на своих экранах миллионы американцев — профессионалом высшего класса. Пересказывать интервью не буду: его транслировали и по нашему телевидению. Скажу только, что Горбачев вышел с честью из этого своеобразного испытания. Вопросы в основном касались различных аспектов внутренней жизни обновляющегося СССР и международных отношений, в первую очередь — советско-американских. Мне еще запомнился самый короткий ответ Горбачева. Брокау спросил нашего лидера: что происходит у него дома, когда он после напряженного рабочего дня в Кремле возвращается в семью, о чем беседует с женой? Ответ на этот вопрос, по сравнению с предыдущими, почему-то последовал не сразу. Неожиданная пауза длилась довольно долго. Затем в наушниках прозвучал тихий, отрывистый голос Горбачева: «Обо всем». И вновь наступила небольшая пауза: Генсек жестом пригласил Брокау задавать очередной вопрос...

Вскоре после показа этого интервью по американскому телевидению я получил телеграмму через наше посольство в Вашингтоне. В ней говорилось: «Ваш перевод интервью, данного Генеральным секретарем компании “Эн-би-си”, был превосходен! Вы напомнили мне о вашей замечательной работе во время моих встреч с Брежневым в 1972, 1973 и 1974 годах. С теплыми пожеланиями — Ричард Никсон², 3 декабря 1987 года».

Жена нового типа

Очевидно, вопрос о домашних разговорах с женой Брокау задал Горбачеву неспроста. К тому моменту и у нас, и на Западе деятельные черты характера и манера поведения супруги нового советского лидера вызывали много толков. Раиса Максимовна постоянно сопровождала мужа в его частых поездках и за рубеж, и по городам нашей страны. Причем она не только сопровождала, но и проявляла активность: подавала реплики, высказывала непререкаемые суждения во время тех или иных встреч, без конца меняла наряды. Естественно, мы все это видели на телеэкранах.

Повышенную инициативность она проявляла и в ходе встреч с женами зарубежных руководителей, как за границей, так и в Москве.

Если раньше перед встречами на высшем уровне МИД готовил лишь развернутую характеристику того или иного иностранного лидера, то теперь было необходимо составить и подробный словесный портрет его супруги. Кроме того, от нас требовали детальных описаний всех объектов, включенных в «женскую программу» визита. Изучив эти материалы, Раиса Максимовна на всех этапах выполнения данной программы, будь то дома или за рубежом, «командовала парадом», часто вызывая естественную неприязнь своих визави.

Знаменитыми стали ее стычки с супругой Рональда Рейгана — Нэнси. Для жен, на время занятости мужей, предусматривались «женские завтраки» или «женские чаи», разного рода экскурсии, так что у высоких дам была возможность общаться.

В дни пребывания Горбачева в Вашингтоне был запланирован осмотр Раисой Максимовной Белого дома. Экскурсоводом выступила его тогдашняя хозяйка — Нэнси Рейган. Когда Нэнси показывала своей гостье спальню, Голубую гостиную, прочие помещения исторического особняка, Горбачева, которая еще в Москве изучила описание резиденции американских президентов, постоянно ее перебивала: да, да, я знаю — Голубая гостиная в таком-то году была такой-то, а потом стала такой-то, переделывалась так-то и тогда-то... Конечно, все говорилось хорошо нам знакомым менторским тоном. Нэнси это доводило просто до бешенства.

Когда же Рейган приехал в Москву, Нэнси выразила желание посетить Третьяковскую галерею, причем просила провести ее только по тем залам, где выставлены иконы. И на сей раз Раиса Максимовна подготовилась. Она приехала в Третьяковку раньше Нэнси. Надо сказать, что обычно супруга Генсека опаздывала на та-

кие мероприятия. Из-за нее опаздывал и сам Горбачев. Теперь же, ожидая приезда Нэнси, Раиса Максимовна решила пообщаться с журналистами. Она села на излюбленного конька и безапелляционно начала излагать известную концепцию советского атеистического искусствоведения, согласно которой икона — не столько религиозный символ, сколько живописное изображение реальных людей, исполненное в манере своего времени. Короче говоря, получалось, что она отрицает религиозное, духовное значение икон.

Подъехала Нэнси. Но Раиса Максимовна так разошлась, что уже не могла остановиться, хотя ей, несомненно, следовало оказать внимание приехавшей гостье. Лишь спустя некоторое время она повернулась к ней и кивком поприветствовала. А потом, завершив свою «лекцию», заявила, что вот, дескать, я закончила, теперь пошли смотреть. Выглядело это настолько вызывающе, что стало предметом многочисленных комментариев в зарубежных СМИ. Нэнси отреагировала не менее агрессивно: мол, вы поговорили, дайте и мне сказать...

В таком духе и проходили почти все их встречи...

В роли «певца за сценой»

В тот год, когда Генсеком стал Горбачев, я, как уже говорил, отошел от переводческой работы и всецело был занят советско-американским направлением нашей внешней политики, являясь заместителем начальника Управления США и Канады Министерства иностранных дел СССР. Во главе МИДа стоял Шеварднадзе. Советско-американское направление при нем стало активно развиваться. Велся интенсивный поиск новых договоренностей с Америкой по всему спектру отношений между нашими державами, включая двусторонние, за разработку которых я нес непосредственную ответственность.

Новый министр резко изменил стиль работы МИДа. Сам он засиживался в своем кабинете допоздна, непременно приезжал в министерство в субботу. Любил проводить в этот день заседания коллегии. Словом, о пятидневке можно было забыть. Рассказывали, что он поначалу очень удивлялся, когда звонил по внутреннему телефону какому-нибудь мидовскому чиновнику часов в восемь вечера и не заставал того на месте. Недовольство его быстро дошло до аппарата МИДа, и вскоре все начальники стали оставаться на своих местах до ухода министра, даже если у них и не было каких-то срочных дел. Впрочем, в Управлении США и Канады работы всегда хватало. Если я тогда являлся домой часов в десять вечера, жена даже удивлялась и спрашивала, не заболел ли я.

В тот период мне не раз приходилось выступать в роли «певца за сценой», то есть быть «английским голосом» Горбачева в его публичных обращениях к американцам. Так, например, в 1986 году по взаимной договоренности Горбачев и Рейган выступили 1 января с новогодними телеобращениями, соответственно, к народу США и к народу Советского Союза. Об их временных рамках договорились заранее — не более семи минут. Горбачеву пришлось даже сократить свое выступление, поскольку оно превысило установленное время секунд на тридцать.

В декабре 1987 года Горбачев впервые прибыл с официальным визитом в Вашингтон. И там голос «певца за сценой» был мой, хотя все официальные переговоры переводил Палажченко. По инициативе Генсека в нашем посольстве состоялись его, Горбачева, встречи с деятелями культуры, представителями большого бизнеса США, а также с группой ведущих сенаторов. Для экономии времени решили прибегнуть к методу синхронного перевода, то есть всех присутствующих, включая Горбачева, снабдили наушниками, а в зале установили микрофоны для выступлений и вопросов. Мы с Палажченко находились в том же зале, но в специальных кабинках, откуда и переводили: Павел — Горбачеву на русский, а я — Горбачева на английский.

Надо сказать, это был период пика популярности Горбачева на Западе вообще и в США в частности. Так что на разосланные загодя приглашения откликнулись многие знаменитые писатели, артисты, режиссеры, представители наиболее крупных промышленных компаний, влиятельные сенаторы. В нашей печати публиковали подробные отчеты об этих встречах. К сожалению, Горбачев к тому времени уже больше говорил и все меньше слушал. Об этом серьезном для высокого руководителя недостатке тогда уже говорили у нас в стране. Отметила его и американская пресса. Ведь вместо обещанного диалога на вашингтонских встречах получились длинные монологи-лекции, изредка перебиваемые краткими вопросами гостей. Помню, один из сенаторов прямо заявил, что никогда бы не пошел на встречу, если бы знал, что все сведется к сплошному говорению советского лидера. Как он подчеркнул: без права на ответ.

Полагаю, он был прав. Я тоже так подумал.

